

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47) 084. 6

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

Влияние политики раскулачивания на миграции населения в Калмыцкой автономной области. 1929–1934 гг.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Белоусов С. С., 2023

Аннотация. *Введение.* В 1929–1934 гг. в рамках политики раскулачивания в стране в Калмыцкой автономной области были осуществлены мероприятия по ликвидации хозяйств и переселению в новые места наиболее обеспеченной в материальном отношении части сельского населения. Массовые перемещения населения оказали заметное влияние на социальную, демографическую и этническую структуру автономной области. Данная сторона инициированной руководством СССР политики коллективизации специально в отношении Калмыкии не изучалась. *Цель* исследования — осветить миграционную политику государства в период проведения массового раскулачивания в Калмыцкой автономной области в 1929–1934 гг. Источниковедческая база включает материалы фондов государственных и партийных органов власти Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В статье рассмотрены внешние и внутренние переселения в области, вызванные политикой раскулачивания. Переселения кулаков носили плановый характер, условия перевозки семей кулаков, как и их адаптация на новых местах, были тяжелыми. Основной контингент раскулаченных и высланных в силу особенностей экономического развития области составили не земледельцы, а скотоводы и рыбаки. Государство не использовало их профессиональные навыки, трудоустроив репрессированных в незнакомую им промышленную сферу. Для малонаселенной и слабо развитой в экономическом отношении Калмыкии раскулачивание и высылка наиболее предприимчивой и обеспеченной в хозяйственном отношении крестьянства имели негативные последствия. Необходимо отметить также то, что природные условия Калмыкии являются довольно сложными. Выселенные люди являлись старожилами, которые были приспособлены к проживанию в непростых местных природных условиях, адаптированы к традиционным хозяйственным занятиям. В то же время Калмыцкая автономная область являлась принимающей стороной. На ее территории было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В населенных пунктах Калмыкии и просто в

степи они надеялись переждать гонения и возвратиться в родные места или закрепиться на новом месте жительства. *Выводы.* Действия властей по выселению кулаков усилили миграции населения в Калмыцкой автономной области. С одной стороны, они привели к принудительному массовому оттоку населения, с другой — к нелегальному переселению в область значительного количества бежавшего от раскулачивания людей.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, политика раскулачивания, 1929–1934 гг., миграции населения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Влияние политики раскулачивания на миграции населения в Калмыцкой автономной области. 1929–1934 гг. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 603–614. DOI:10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

The Influence of Dispossession Policy on Population Migration in the Kalmyk Autonomous Region. 1929-1934

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Belousov S. S., 2023

Abstract. Introduction. In 1929–1934, in the Kalmyk Autonomous Region, as part of the policy of dispossession in the country, measures were taken to liquidate farms and relocate to new places the most financially well-off part of the rural population of the Kalmyk Autonomous Region. Mass population movements have had a noticeable impact on the social, demographic and ethnic structure of the autonomous region. This aspect of the collectivization policy initiated by the leadership of the USSR in relation to Kalmykia has not been studied specifically. The *purpose* of the study is to highlight the migration policy of the state during the period of mass dispossession in the Kalmyk Autonomous Region in 1929–1934. The source database includes materials from the funds of state and party authorities of the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Results.* The article examines the external and internal migrations in the region caused by the policy of dispossession. The resettlement of Kulaks was planned, the conditions of transportation of kulak families, as well as their adaptation to new places, were difficult. The main contingent of dispossessed and exiled, due to the peculiarities of the economic development of the region, were not farmers, but cattle breeders and fishermen. The state did not use their professional skills, employing the repressed in an industrial sphere unfamiliar to them. For the sparsely populated and economically underdeveloped Kalmykia, the dispossession and expulsion of the most enterprising and economic part of the peasantry had negative consequences. It should also be noted that Kalmykia is located in natural conditions that are generally unfavorable for human habitation. The evicted people were old-timers who were adapted to living in difficult local natural conditions, adapted to traditional economic activities. At the same time, the Kalmyk Autonomous Region was the host country. There were many remote and sparsely populated places on its territory, so it attracted runaway kulaks. In its settlements and just in the steppe, they hoped to wait out the persecution and return to

their homeland or gain a foothold in a new place of residence. The actions of the authorities to evict the Kulaks increased the migration of the population in the Kalmyk Autonomous Region. On the one hand, it led to a forced mass outflow of the population, on the other to the illegal resettlement of a significant number of people who fled from the dispossession of people.

Keywords: Kalmyk Autonomous Region, dekulakization policy, 1929–1934, population migration

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Belousov S. S. The Influence of Dispossession Policy on Population Migration in the Kalmyk Autonomous Region. 1929–1934. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 603–614. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

1. Введение

В 1929–1934 гг. в Калмыцкой автономной области в рамках проводимой в стране политики по коллективизации сельского хозяйства власти провели мероприятия по раскулачиванию и переселению на новые места жительства большой массы людей. Они оказали влияние на последующее развитие социальной, демографической и этнической сфер жизни Калмыкии. В годы проведения организации и осуществления переселений власти накопили определенный опыт, который через несколько лет использовали при проведении этнических депортаций. Познание данного исторического опыта обогащает наши представления о политике советских властей в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в масштабах страны, позволяет выявить особенности государственной миграционной политики в отдельных регионах. Исследования по отдельным регионам способствуют накоплению эмпирического материала для обобщающих трудов по переселенческой политике.

В историографии проблема раскулачивания и связанных с ними принудительных миграций в СССР подробно изучались историками В. М. Селунской [Селунская 1961], С. П. Трапезниковым [Трапезников 1967], Н. А. Ивницким [Ивницкий 1994], Н. В. Тепцовым [Тепцов 2002], И. В. Зелениным [Зеленин 2006], Ш. Фицпатриком [Фицпатрик 2008], В. П. Даниловым [Данилов 2011] и др. Вышедшие в годы советской власти работы отечественных историков концептуально основывались на позициях идеологии марксизма-ленинизма, обосновывавших необходимость ликвидации кулачества как класса и оправдывавших действия властей по раскулачиванию и переселению кулаков в неосвоенные места. В постсоветский период оценки поменялись: раскулачивание и переселения стали рассматриваться как трагедия крестьянства, а действия властей неоправданными и преступными.

Для историков, изучавших политику коллективизации в Калмыкии, были характерны в научных изысканиях подходы, свойственные для советской и постсоветской историографии. Наибольший вклад в разработку темы коллективизации в Калмыкии внесли историки Ю. О. Оглаев [Оглаев 1987], И. В. Борисенко [Борисенко 2000], К. Н. Максимов [Максимов 2004], данная проблема освещалась в рамках обобщающего труда «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История 2009]. Обзор трудов по коллективизации в Калмыкии свидетельствует о том, что, во-первых, их написано небольшое количество, во-вторых,

в них рассмотрены в основном общие вопросы коллективизации. Отсутствие специального исследования по одной из важнейших составляющих политики коллективизации — миграционной политики и ее влияния на миграционную обстановку в Калмыкии — являются пробелом в отечественной историографии, который призвана восполнить данная статья.

2. Материалы и методы исследования

В процессе исследования использовались в основном материалы органов государственной и партийной власти в Калмыцкой автономной области. Это документы фондов Р-3 («Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР»), Р-34 («Исполнительный комитет Приморского улусного Совет депутатов калмыцкого трудового народа»), Р-131 («Совет народных комиссаров Калмыцкой АССР»), П-1 («Калмыцкий областной комитет КПСС»), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. В указанных фондах отложилась переписка между правительственными, областными и местными органами власти по вопросам миграции. Исследование проводилось с помощью сравнительно-исторического и описательного методов познания.

3. Подготовка раскулачивания и переселений

В 1929 г. власти приступили к политике ликвидации кулачества как класса. Данная акция была вызвана не только противодействием кулачества коллективизации, но также имела свое обоснование в идеологии, нацеленной на уничтожение эксплуататорских классов и отдельных социальных слоев населения, которым, как считалось, не было места в будущем коммунистическом обществе.

В рамках раскулачивания большую роль играли организованные государством переселенческие мероприятия, которые, как постоянно подчеркивали власти, должны были способствовать перевоспитанию кулаков трудом на новых местах. В них должны были создаваться «специфические условия» и «системы» для повышения производительности труда. Все это провозглашалось в адрес людей, чьи хозяйства в деревне были наиболее крепкими.

В Нижне-Волжском крае, в состав которого входила в 1929 г. Автономная область трудового калмыцкого народа, кулачество было разбито не на три, а на четыре категории. В первую категорию включили кулаков, считавшихся наиболее политически опасными для власти, во вторую и третью категории — наиболее богатых кулаков из числа индивидуально обложенных сельскохозяйственным налогом, в четвертую — хозяйства, привлекавшие наемных работников, которые арендовали земли, использовали сельхозтехнику и занимались торговлей [Зуев 2000: 10].

Не все раскулаченные подлежали выселению из родных мест. Освобождались от переселения кулацкие хозяйства, в семьях которых были лица, преданные советской власти, учителя, агрономы, естественно, при условии, что они дадут поручительство за политическую лояльность всех членов своих семей по отношению к проводимому мероприятию. Не подлежали выселению и те семьи, в которых на данное время кто-то нес службу в рядах Красной Армии, или в их составе были бывшие партизаны, красногвардейцы и те, кто получил отличия, награды за участие в Гражданской войне на стороне советской власти. Но все эти

лица обязаны были представить соответствующие документы [Борисенко 2000: 97]. То же самое относилось к нетрудоспособным, к которым были отнесены полные инвалиды, беременные женщины на последних сроках беременности и те, кому исполнилось 65 лет.

Каждый выселяемый должен был запастись на трехмесячный срок 20 кг муки или 36 кг печеного хлеба, сушеным мясом и другими продуктами первой необходимости. Он должен был иметь таган, котел, ведро, чашку, ложку, топор, пилу и лопату. Одежды разрешалось брать с запасом на один год, денег — 500 руб. на семью. Пять семей выселенцев могли взять для ведения хозяйств в новых поселениях только одну лошадь, одну телегу, плуг, борону и 120 кг прессованного или в скопах сена [Борисенко 2000: 98].

Установленных для выселяемых норм продуктов, имущества и сельхозинвентаря власти часто не придерживались, или они разворовывались в пути следования.

В Калмыцкой автономной области подготовка к раскулачиванию и выселению началась во второй половине 1929 г. В июле 1929 г. для проведения данного мероприятия в Калмыкии была сформирована комиссия из руководителей области и начальника отдела Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ), а 10 сентября 1929 г. Нижневолжский крайком ВКП(б), основываясь на информации, предоставленной данной комиссией, и ее предложениях, принял решение о «О выселении эксплуататорской верхушки Калмообласти». В решении был установлен имущественный критерий для отнесения к разряду эксплуататоров: в чисто скотоводческих районах подлежали раскулачиванию и выселению хозяева, владевшие в перерасчете на крупный рогатый скот не менее чем двумястами головами крупного рогатого скота, а в смешанных скотоводческо-земледельческих и рыболовецко-скотоводческих районах — не менее ста головами крупного рогатого скота. Выселению подлежали также лица, не подпадавшие по имущественному положению под категорию кулаков, но являющиеся, по мнению властей, антисоветским и контрреволюционным элементом.

В октябре 1929 г. обком партии и облисполком создали специальную областную политическую тройку (политтройку) во главе с председателем Калмыцкого облисполкома А. П. Пюрбеевым и улусные комиссии под председательством председателей улусных исполкомов. Указанными органами руководила краевая политтройка в составе секретаря Нижневолжского крайкома ВКП(б) А. Чугунова, ответственного секретаря Калмыцкого обкома партии Х. М. Джалыкова и представителя краевого ОГПУ Таранова.

4. Принудительные переселения кулаков

Мероприятия по конфискации имущества и выселению были проведены внезапно, одновременно в разных местах, и оперативно. 16 октября 1929 г. Калмыцкое областное ОГПУ получило секретный приказ за подписью полномочного представителя ОГПУ Нижневолжского края Ш.-А. Илистанова и начальника Калмотдела ОГПУ А. Павлова провести операцию. В пять часов утра 17 октября 1929 г. ОГПУ приступило к операции и завершило ее на следующий день — 18 октября. Она проводилась сотрудниками местных правоохранительных частей с привлечением оперативных работников из нескольких городов Нижнего Поволжья и красноармейцев из разных частей.

Раскулачивание и выселение продолжались и в последующие месяцы и годы, так как постоянно выявлялись новые лица, подлежащие репрессиям. Данная компания осуществлялась до 1934 г. включительно. За период с 1929 по 1934 гг., по неполным данным и без учета «самораскулаченных», в Калмыцкой автономной области были репрессированы 2 195 крестьянских семейств (почти 14 тыс. человек), из которых 1 821 семья подверглась выселению за пределы области, остальные — были разорены и переселены в специальные поселения на территории автономии [История 2009: 398].

Списки на раскулачивание и выселение составлялись сельскими комиссиями, а утверждались в Калмыцкой автономной области областной комиссией. В сельские комиссии входили члены партии, батраки и бедняки, и для многих из них это было серьезным испытанием, поскольку надо было утвердить для раскулачивания фамилии конкретных лиц, с которыми они жили в одном селе или были связаны родственными узами, хозяйственными делами.

Раскулачивания и выселения большинство крестьян не одобряли, но высказать открыто это боялись, опасаясь репрессий. В категорию раскулаченных могли зачислить середняков и бедняков, критиковавших действия властей, и даже людей, предъявлявших властям законные требования.

В Автономной области калмыцкого трудового народа репрессии вызывали отрицательное отношение у большинства крестьян. Здесь в поддержку кулаков нередко выступали не только середняки, но и многие бедняки и батраки. В селах Приютное, Элиста, Кюрюльта, Садовое и хотонах Т. Лиджиева, М. Санджиева народные собрания открыто осудили меры властей по раскулачиванию односельчан [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 53].

Бедняки и батраки просили не изымать имущество у зажиточных и разрешить им остаться на родине, мотивируя это тем, что кулаки хорошо помогали им материально, обеспечивали средствами к существованию. В Национальном архиве Республики Калмыкия сохранились сотни коллективных заявлений от местных жителей, не побоявшихся обратиться к властям с просьбой отменить раскулачивание и выселение своих односельчан. В 1930 г. власти получили 200 заявлений подобного характера, но из них положительно были разрешены только три. Выселяемым не помогло даже то, что просителями за них выступали бедняки и батраки. Чтобы отбить им желание спасти кулаков от выселения, власти стали отнимать у них переданный им конфискованный у кулаков скот, но и после этого заявления продолжали поступать, в них содержались просьбы оставить кулаков в родных местах хотя бы временно — до следующей весны [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 28].

Имели место случаи противодействия конвоированию арестованных кулацких семей из населенных пунктов. Так было в с. Приютном и в ряде других мест [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 25–26].

Развернувшиеся в марте 1930 г. репрессии против кулаков вызвали колебания у многих членов бригад: «В процессе операции выделенные работники из партийно-комсомольского актива, за небольшим исключением, на деле не проявили достаточной энергичности в действиях, а в отдельных случаях сдрейфили. Уходили с постов, срывая тем самым успешность операции (симуляция болезни и прочее)» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 56].

В 1931 г. и в последующие годы недовольство выселениями сохранялось, но население, напуганное в предшествующие два года коллективизации репрессиями и угрозами со стороны властей, уже было не столь активно в защите выселяемых.

Репрессированных кулаков под конвоем на подводах, машинах, речных баркасах (в Приморском и Приволжском улусах Калмыцкой автономной области) свозили на специально подготовленные в близлежащих железнодорожных станциях сборные пункты, где содержали до момента погрузки в поезд. Эти пункты представляли из себя открытые, огороженные колючей проволокой площадки, которые охранялись конвоирами. Кулаки из Калмыцкой автономной области перевозились на железнодорожные станции населенных пунктов Дивное, Абганерово, Сальск, а из восточных улусов — в г. Астрахань и на другие станции в округе. Далее они направлялись на поселение в назначенные им удаленные места, часть раскулаченных расселяли в пределах малоосвоенных территорий Нижне-Волжского края, в который в рассматриваемое время входили Саратовская, Сталинградская области, Автономная республика немцев Поволжья, Астраханский округ и Автономная область трудового калмыцкого народа. Внутри каждого субъекта создавались трудовые поселки, куда переселялись категории менее опасных для власти кулаков данного субъекта. По количеству переселенцев они значительно уступали отправленным в отдаленные регионы страны. Выселенных из Калмыцкой автономной области переселяли на Урал и в Казахстан, но многих определяли на жительство в территориально более близкие к Калмыкии районы Нижне-Волжского края — в Пугачевский округ (позже район), Новоузенский, Алагайский и Кайсацкий районы. Данные районы в настоящее время входят в состав Самарской, Саратовской и Волгоградской областей.

На новом месте выселенным пришлось привыкать к новым климатическим условиям, к принудительному труду, к жесткому надзору со стороны властей, и в целом к тяжелым бытовым условиям жизни ссыльного человека. Переселенцев селили вне населенных пунктов, нередко в местах неудобных и не подготовленных для проживания человека, где не было никаких строений. Ссылные фактически вынуждены были выживать самостоятельно, без ощутимой поддержки со стороны государства.

Спецпоселенцы были задействованы в сферах хозяйства, где требовался тяжелый физический труд и ощущался недостаток в рабочей силе. В принудительном порядке их определяли работать чернорабочими, шахтерами, строителями, лесорубами и др. На родине спецпереселенцы были в массе своей скотоводами и рыбаками, в меньшей степени — земледельцами, в местах ссылки они вынуждены были осваивать профессии, связанные с промышленной сферой. Новые занятия часто не соответствовали их хозяйственным навыкам и прежним профессиям.

Тяжело переживали отрыв от своего дома калмыки. 26 июня 1930 г. в административный отдел Пугачевского округа обратилась группа калмыков-спецпереселенцев с просьбой разрешить вернуться в Калмыцкую автономную область или переселиться в другие области и края. Власти не предоставили им возможности заниматься традиционным для них занятием — скотоводством, и калмыки оказались лишены источников к существованию. Без работы калмыки не имели права покупать товары первой необходимости в кооперативных организациях, а личные денежные накопления у них закончились.

Для менее «социально» опасных для советских властей кулаков организовывались трудовые поселки. Обычно в них селили раскулаченных третьей и четвертой категорий, не запланированных к выселению за пределы округа и автономной области. История уготовила им недолгий срок существования, последние из них были ликвидированы после начала Великой Отечественной войны, осенью 1941 г.

В Калмыкии лиц, не отнесенных к категории «социально опасных», расселяли внутри области на малопригодные земли. В восточные Эркетеновский и Яндыко-Мочажный улусы в 1929 г. переселили 46 раскулаченных семей, в 1930 г. — 11 семей из западных и северных улусов. 13 семей эркетеновцев и 11 семей яндыкомочажцев тогда же перебросили на жительство в Багацохуровский и Манычский улусы [Борисенко 2000: 89].

В 1931 г. спецпоселок под номером 31 был организован в Западном улусе, на землях Багатуктуновского сельского совета. Его решили устроить на месте поселения, основанного в 1928 г. перешедшими на оседлый образ жизни калмыками. Комендант спецпоселка бесцеремонно приказал им выселиться в короткий срок из своих домов, а свои дома передать прибывшим из других улусов раскулаченным. Вынужденные покинуть свои дома 25 семей местных жителей переселились в п. Красный Маныч Багатуктуновского сельского совета, заняв дома людей, ушедших в 1932 г. в связи с голодом на заработки в другие губернии. Весной 1935 г. трудовые мигранты стали возвращаться домой и потребовали освободить свои дома. Недавние переселенцы вынуждены были подыскивать новое жилье и размещаться по 2–3 семьи в одной землянке. Они предложили передать им в пользование 13 пустующих домов, находящихся на коневодческой ферме колхоза им. Кирова, и 6 домов в п. Красный Маныч, оставшихся от выселения кулаков, и, кроме того, построить за счет кулаков спецпоселка 4 дома. Все они должны были возместить потерю домов на прежнем месте проживания. Власти области согласились с данным предложением и обязали Багатуктуновский сельсовет его реализовать. В спецпоселке № 31 на 6 января 1936 г. насчитывалось 105 дворов и проживало 343 человека [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3 с. Д. 134. Л. 149]. В пределах Западного улуса находилось еще одно кулацкое поселение, располагавшееся около п. Башанта, на х. Ильков. Там было размещено 25 семей раскулаченных.

Трудпоселение под номером 32 НКВД было устроено в 1932 г. в районе Багутовского сельсовета Лаганского улуса. В 1935 г. в нем проживали 333 чел. [Борисенко 2000: 90]. Просуществовало оно до 1942 г., а его жители были выселены в Казахстан [Борисенко 2000: 91].

В апреле 1933 г., по данным начальника Калмыцкого отдела ОГПУ П. И. Кишкина, в области после раскулачивания и выселения оставалось 219 кулацких хозяйств, из которых 82 хозяйства были расселены по внутриобластным трудовым поселкам. Кроме них, в Калмыцкой автономной области скрывались 132 кулака, переселившиеся из других мест [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 28].

Всего в Калмыцкой области в течение 1929–1934 г. было раскулачено 2 195 семей, в которых числилось почти 14 000 чел. Из указанного количества семей 1 821 семья была выселена за пределы области и 374 семьи переселены в созданные внутри автономной области специальные поселки [Максимов 2004: 100].

Многие спецоселенцы не могли примириться с высылкой и пытались вернуться в родные места путем подачи заявлений в местные и центральные органы

власти. В первой половине 1930 г. участились случаи подачи райисполкомами и сельсоветах, находящимися в местах высылки кулаков, ходатайств о возвращении раскулаченных по второй категории из Северного края в прежние места проживания. Президиум Нижне-Волжского крайисполкома для рассмотрения ходатайств создал специальную комиссию и 4 августа 1930 г. рекомендовал местным органам власти прекратить выдавать родственникам раскулаченных какие-либо справки, дающие основание непосредственно обращаться в места ссылки. Чтобы отбить желание ходатайствовать, райисполкомы должны были дать «секретным порядком распоряжения сельсоветам, но в такой форме, которая не стимулировала бы массовых ходатайств о возвращении выселенных...» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 61. Л. 61].

Обращения ссыльных кулаков о возвращении на родину чаще всего оставались без рассмотрения, поэтому многие тайно убегали из мест ссылки, пытаясь спрятаться от властей где-нибудь в малонаселенных и глухих районах страны. Калмыкия в этом отношении привлекала беглецов. Необходимо отметить, что 1929 г., в начале процесса раскулачивания, лица, подпадавшие под категорию кулаков, еще имели легальную возможность распродать хозяйства и переселиться в другие места. В начале 1930 г. эту лазейку власти закрыли.

5. Нелегальные переселения

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О воспреещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества», запретившего крестьянам, попавшим под раскулачивание, без согласия райисполкома продавать свое имущество и переселяться. Самовольно переселяющемуся грозили немедленная конфискация имущества, а при распродаже имущества — репрессии [ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 131. Л. 8]. После выхода запрета кулаки вынуждены были действовать нелегально и скрывать свои истинные намерения.

Беглецы стремились устроиться жить в удаленных местностях, подальше от городов, причем многие местные сельсоветы не препятствовали притоку кулаков, не обращая на них особого внимания. В Калмыцкой автономной области было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В ее населенных пунктах и просто в степи они надеялись переждать гонения и возвратиться на родину или закрепиться на новом месте жительства. Сохранившиеся оперативные сводки о поимке беглых кулаков свидетельствуют о значительном их количестве в области. В июне 1931 г. в к югу от ставки Утта, например, их скрывалось около 400 чел., а в местности Улан-Хол и х. Хлебный тогда же «бродили» большие партии кулаков, бежавших из Дагестанской области; когда власти их спрашивали о цели пребывания в области, то они заявляли, «что едут туда, где меньше берут налогов, и что они ждут скорой перемены власти» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 8. Л. 93]. В июне 1931 г. милиция задержала во время облавы на базаре в с. Приютном 17 женщин-кулачек и одного мужчину, убежавших из кулацкого поселка в с. Киста, и арестовала 21 кулаков из Дивненской комендантуры, сбежавших во время конвоирования [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 8. Л. 93].

Сильно встревожило областные власти известие о создании в Дивненском и Винодельнинском районах кулацких спецпоселков и намерение правительства расселить в Заветнинском и Ремонтненском районах 35–45 тыс. кулацких хозяйств.

Указанные районы Северо-Кавказского края граничили с Калмыцкой автономной областью, и областные власти, ссылаясь на «хозяйственную и культурную отсталость калмыков», опасались возможного влияния на них кулаков. 20 марта 1931 г. секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) Х. М. Джалыков в секретной докладной записке просил И. В. Сталина по соображениям нецелесообразности «в политическом и хозяйственном отношении» приостановить решение о переселении кулаков в приграничные с областью районы Северо-Кавказского края [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 1].

В первой половине 1930-х гг. много бежавших кулаков скопилось в Приморском улусе Автономной области калмыцкого народа. Большинство сельсоветов данного улуса не препятствовали проникновению кулаков-мигрантов, знали об этом и сельские активисты, но помалкивали. Власти обратили на них внимание, когда участились случаи воровства кулаками хлеба с колхозных полей, имущества у местных жителей. 17 июня 1933 г. председатель Приморского исполкома Советов «категорически предложил» председателям сельских советов усилить деятельность сельских активистов по выявлению укрывающихся кулаков и под стражей доставлять их в распоряжение уполномоченного ОГПУ. Работа должна была проводиться «секретным порядком» и в случае уклонения от нее председателей грозили привлечь их к строгой ответственности [НА РК. Ф. Р-34. Оп. 4с. Д. 17. Л. 19].

Укрывавшихся кулаков обнаруживали и в других районах Калмыцкой АССР. Один такой поселок основали в 10 км от г. Элисты, в балке Бурата, беглецы из Приморского улуса. Проживавшие в нем 7 кулацких хозяйств скрывались от тяжелого налогообложения и ничего не платили государству. В 1935 г. областной исполнительный комитет Автономной области калмыцкого народа потребовал от председателя исполкома Центрального улуса проверить кулаков и обложить соответствующими их правовому статусу налогами [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 40. Л. 176].

6. Заключение

Ликвидация кулачества как класса в годы коллективизации сельского хозяйства в СССР сопровождалась массовыми депортациями сельского населения. Организацией переселений советское руководство намеревалось изолировать кулаков от влияния на коллективизацию и одновременно обеспечить развернувшуюся форсированную индустриализацию дешевой рабочей силой.

Операция по выселению кулаков прошла по плану. В Калмыкии, как и в других краях, областях и республиках, был разработан конкретный план операции, установлены даты проведения, определен состав участников, распределены силы по конкретным населенным пунктам, даны на места разнарядки по количеству переселяемых людей, составлены их списки, указаны места сбора, транспорт, места назначения ссыльных. Депортация осуществлялась в течение шести лет — с осени 1929 г. по 1934 г. включительно, при этом своего пика раскулачивания и переселения достигли в 1930–1931 гг.

В Калмыкии план по раскулачиванию, как и в соседних административно-территориальных субъектах, был перевыполнен. Если в 1930 г. раскулаченные должны были составлять 2–3 % от всех крестьянских хозяйств области, то в 1931 г. планку подняли до 3,1 % [История 2009: 398].

В Калмыцкой автономной области население занималось в основном скотоводством, был развит рыбацкий промысел. Поэтому основной контингент раскулаченных и высланных составили не земледельцы, а скотоводы и рыбаки.

Для малонаселенной и слабо развитой в экономическом отношении Калмыкии раскулачивание и высылка наиболее предприимчивой и обеспеченной в хозяйственном отношении крестьянства имели негативные последствия. Природные условия Калмыкии довольно сложные. Выселенные же люди являлись старожилками, которые были приспособлены к проживанию в непростых местных природных условиях, адаптированы к традиционным хозяйственным занятиям.

В Калмыцкой автономной области было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В населенных пунктах области и просто в степи они надеялись переждать гонения и возвратиться на родину или закрепиться на новом месте жительства.

Действия властей по выселению кулаков усилили миграции населения в Калмыцкой автономной области. С одной стороны, они привели к принудительному массовому оттоку населения, с другой — к нелегальному переселению в нее значительного количества, бежавшего от раскулачивания людей.

Кампания по раскулачиванию и переселению официально была направлена на перевоспитание трудом бывших «эксплуататоров», но государство не оказало должной помощи спецпереселенцам, и они были поставлены на грань физического выживания. Массовая гибель людей при транспортировке и при обустройстве в местах ссылки наводит на мысль о целенаправленной политике не только политического, но и физического уничтожения кулаков.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

State Archive of the Astrakhan region.

Литература

Борисенко 2000 — *Борисенко И. В.* Раскулачивание в Калмыкии // Наука и высшая школа Калмыкии. 2000. № 2(3). С. 84–101.

Данилов 2011 — *Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке: избранные труды. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 861 с.; Ч. 2. 831 с.

Зеленин 2006 — *Зеленин И. В.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 313 с.

Зуев 2000 — *Зуев А. В.* Раскулачивание крестьянских хозяйств в Астраханском крае (по материалам Госархива Астраханской области) // От тоталитарного мышления к гражданскому самосознанию астраханцев: мат-лы обществ. чтений (г. Астрахань, 30 марта 2000 г.). Астрахань: Астрах. гос. пед. ун-т, 2000. С. 6–11.

Ивницкий 1994 — *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.

История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.

Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

- Оглаев 1987 — *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Селунская 1961 — *Селунская В. М.* Борьба коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Октябрь 1917–1934 гг. М.: Высшая школа, 1961. 205 с.
- Тепцов 2002 — *Тепцов Н. В.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1933 гг. М.: Звоница, 2002. 414 с.
- Трапезников 1967 — *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М.: Мысль, 1967. 622 с.
- Фицпатрик 2008 — *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с.

References

- Borisenko I. V. Dekulakization in Kalmykia. *Science and Higher School of Kalmykia*. 2000. No. 2(3). Pp. 84–101. (In Russ.)
- Danilov V. P. The History of the Peasantry in Russia in the XX century: Selected Works. Moscow: ROSSPEN, 2011. Part 1. 861 p. Part 2. 831 p. (In Russ.)
- Ivnitsky N. A. Collectivization and Dispossession (early 30s). Moscow: Interprax, 1994. 267 p. (In Russ.)
- Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: the Social History of Soviet Russia in the 30s: Village. Moscow: ROSSPEN, 2008. 421 p. (In Russ.) The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vol. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Maximov K. N. The Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia in 1918–1940 s. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. The Implementation of the Lenin Cooperative Plan in Kalmykia (1917–1937). Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Selunskaya V. M. The Struggle of the Communist Party of the Soviet Union for the Socialist Transformation of Agriculture. October 1917–1934. Moscow: Higher School, 1961. 205 p. (In Russ.)
- Teptsov N. V. In the Days of the Great Turning Point. The History of Collectivization, Dispossession and Peasant Exile in Russia (USSR) by Letters and Memoirs. 1929–1933. Moscow: Zvonitsa, 2002. 414 p. (In Russ.)
- Trapeznikov S. P. Leninism and the Agrarian and Peasant Question. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1967. 622 p. (In Russ.)
- Zelenin I. V. Stalin's "Revolution from above" after the "Great Turning point". 1930–1939: Policy, Implementation, Results. Moscow: Nauka, 2006. 313 p. (In Russ.)
- Zuev A. V. Dispossession of Peasant Farms in the Astrakhan Region (based on the materials of the State Archive of the Astrakhan region) // From Totalitarian Thinking to the Civic Consciousness of Astrakhan: Materials of public readings (March 30, 2000, Astrakhan). Astrakhan: Astrakhan State Ped. University, 2000. Pp. 6–11. (In Russ.)